

«Этот маленький двор весьма переменчив»: свита Петра I

По сведениям принимающей стороны, Пётр I должен был прибыть во Францию в сопровождении свиты, состоящей «из 20 главных лиц и 20 слуг»¹. Для «главных лиц» полагались особые хорошо меблированные комнаты в царской резиденции или квартиры в других городских домах, а слуги могли располагаться в гостиницах. В Дюнкерк с царём прибыло 57 человек². Королевский посланник де Либуа с удивлением увидел, что за царем по-прежнему следовали сопровождавшие его в Австрийских Нидерландах представители императора — герцог Гольштейнский (Joachim Frédéric, duc de Holstein-Ploën, 1668–1727) и князь Турн-и-Таксис (Anselme Franz, prince de la Tour et Taxis, 1681–1739), которые, пробыв с царем несколько дней, по-видимому, все-таки возвратились в Нидерланды³. Французы полагали, что в Париж с ним отправиться меньше людей, но численность свиты, напротив, возросла. В Кале царя уже окружало около 80 человек⁴. Царский поезд, отправившийся в столицу, насчитывал 61 человека⁵. Остальные ехали самостоятельно — их поездка оплачивалась из средств царя. В письме к регенту де Либуа охарактеризовал главных лиц царской свиты⁶. Его наблюдения не лишены проницательности.

¹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1881. Т. 34. С. 124; маркиз Данжо писал, что в свите царя состоят только 15 важных персон и столько же слуг. — [*Dangeau Ph.*] *Journal du marquis de Dangeau*. Paris, 1859. Т. 17: 1717–1719. Р. 77.

² Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 140.

³ Там же. С. 140, 156, 162.

⁴ Там же. С. 175.

⁵ Там же. С. 168–170.

⁶ Там же. С. 163–166.

Первое место в свите царя во время визита во Францию, несомненно, занимал князь Борис Иванович Куракин (1676–1727). Аристократ, родственник (свояк) Петра I, он сделал блестящую дипломатическую карьеру и во время второй поездки царя в Европу состоял русским посланником в Голландии. Борис Иванович усердно служил царю на внешнеполитическом поприще, но не во всем одобрял поведение царя и его политику в отношении старой знати. Его особое место в свите определялось не только высоким положением тайного советника и полномочного министра, профессиональными знаниями и опытом, но и прекрасным владением французским языком. Он выступал в качестве переводчика и посредника в официальном общении царя с принимающей стороной, «все, касающееся настоящего путешествия, возложено на князя Куракина». В инструкции, полученной де Либуа от правительства, говорилось: «Князь Куракин из всех посланников царя отличается наибольшей вежливостью и талантами, намерения его всегда были прямы»⁷. И сам посланник короля отзывался о нём с наибольшей симпатией, отмечая прекрасные манеры, ум и обходительность князя, его «склонность к тому, чтобы все шло к обоюдному удовольствию». В качестве недостатков назывались его педантизм и мелочность: он «относится к малейшим безделицам с жаром, как будто бы дело шло о важных предметах»⁸. Испанский дипломат, наблюдавший за Куракиным в Париже, утверждал, что «это человек самого изысканного обращения, не сохраняющий ни малейших следов той невоспитанности и грубости, которая отличает его соотечественников»⁹. Позже герцог Сен-Симон дал развернутую характеристику князю Куракину, которая как бы подводила итог его дипломатической деятельности во Франции: «Куракин принадлежал к одной из ветвей старинного рода Ягеллонов, представители которого долгое время носили короны Польши, Дании, Норвегии и Швеции. Он был высок, хорошо сложен, понимал высоту своего положения, обладал большим умом, хитростью и был весьма образован. Он достаточно хорошо говорил по-французски и на многих других языках, много путешествовал, принимал участие в войнах, а затем был посланником при разных дворах. Тем не менее в нём еще чувствовался русский, и его таланты весьма портила крайняя скупость. Он и царь были женаты на сестрах, и у каждого было от них по сыну. Царица получила развод и была заточена в монастырь

⁷ Там же. С. 129.

⁸ Там же. С. 163.

⁹ Ковалевский М. Новые данные о пребывании Петра в Париже, почерпнутые из испанских архивов // Русская мысль. 1884. № 1. С. 111.

неподалёку от Москвы, но Куракин не ощущал последствий этого. Он великолепно знал своего государя, который многое ему позволял, выказывал большое доверие и уважение <...>¹⁰. За заключение Амстердамского договора, подписанного по итогам царского визита в Париж, Куракин был награжден орденом Св. Андрея Первозванного¹¹. Когда возникла перспектива заключения нового союзного договора с Францией, Куракин был назначен в 1724 году послом в Париж, где он и умер 17 октября 1727 года.

Еще одним знатным членом русского посольства был князь Василий Владимирович Долгоруков (1667–1746)¹² — «весьма обходительный человек и очень уважаем царем; одно неудобство заключается в том, что он не понимает решительно никакого языка, кроме русского»¹³. Суровый усмиритель булавинского восстания, Василий Владимирович более тяготел к военным делам и впоследствии дослужился до фельдмаршальского звания. В 1711 году он был пожалован в кавалеры ордена Св. Андрея Первозванного, однако в 1718 году попал во временную опалу в связи с делом царевича Алексея.

Вице-канцлер барон Пётр Павлович Шафиров (1673–1739)¹⁴, как уже отмечалось, не одобрял визит царя в Париж. Тем не менее, Пётр I вызвал его к себе, и дипломат прибыл в Кале около 27 апреля и занял в свите царя важное место. Де Либуа сразу же отметил это: «Он кажется вежлив и остроумен и в делах пользуется доверием едва ли не большим, чем князь Куракин, которому, впрочем, он нисколько не уступает изяществом манер <...> Приезд Шафирова значительно ослабил влияние князя Куракина. Я осмелился приветствовать Шафирова от вашего имени (регента Франции. — С.М.), что было очень хорошо принято»¹⁵. Действительно, Шафиров и Куракин не симпатизировали друг другу, что не мешало Петру использовать их высокие деловые качества. В отличие от аристократа до мозга костей Куракина Пётр Павлович был сыном холопа и

¹⁰ Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы / пер. с фр. Ю.Б. Корнеева; предисл. А.Д. Михайлова; сост. и коммент. А.П. Бондарева. Кн. 2. М., 1991. С. 350–351.

¹¹ По другим сведениям, Куракин был пожалован в кавалеры ордена Св. Андрея Первозванного в марте 1717 года. — Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2007. С. 51.

¹² См.: Там же. С. 39.

¹³ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 164.

¹⁴ См.: Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 79–80.

¹⁵ Там же. С. 166, 170.

крещеного еврея, но сумел сделать головокружительную карьеру, что исполнило его важности. Главной дипломатической заслугой барона было заключение Прутского договора 1711 года, который избавил от угрозы турецкого плена русскую армию и лично царя. Получив перед поездкой большую сумму денег, Шафиров использовал их как на свои, так и на царские нужды. Так, в дороге от Кале до Парижа «в розных местах при смотре костелов, мануфактур, садов и иных достойных смотра мест в бытность при его царском величестве роздано 150 ливров»¹⁶. Поскольку вице-канцлер не владел французским языком, у него в услужении находились местные переводчики.

Французский наблюдатель отмечал особую близость к Петру I Павла Ивановича Ягужинского (1683—1736)¹⁷, называя его «фаворитом». Действительно, сын польского органиста и бывший денщик царя к 1717 году превратился в генерал-адъютанта, выполнял ответственные поручения за границей и пользовался безграничным доверием царя (позже он будет назначен генерал-прокурором Сената). Честный и прямодушный, он бывал вспыльчив и равнодушен к алкоголю. Это не укрылось и от внимания де Либуа: Ягужинский «пользуется всеми его (царя. — С.М.) милостями и довольно учтив, любит удовольствия и никогда не ложится спать трезвый»¹⁸.

Еще одним опытным дипломатом в царской свите был Петр Андреевич Толстой (1653—1729)¹⁹. Тяжелую дипломатическую «школу» он прошел в Турции, где, будучи послом, почти два года находился в заключении. Неизвестно, какую роль он играл в переговорах в Париже, но сразу же после окончания визита Пётр Андреевич получил ответственнейшее поручение доставить в Россию царского сына Алексея, бежавшего под защиту императора в Вене. «Советник Толстой пользуется доверием и очень вежлив, он говорит по-итальянски»²⁰, — отмечал де Либуа.

Французский придворный обязательно отмечал, какими иностранными языками владели члены царской свиты, что значительно поднимало их в глазах французского наблюдателя. «Генерал-лейте-

¹⁶ РГАДА. Ф. 93. 1717. № 15. Л. 7.

¹⁷ См.: *Евангулова О.С.* Павел Иванович Ягужинский и его близкие в свидетельствах современников // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 58: Петровское время в лицах — 2011: К 30-летию Отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981—2011): Материалы научной конференции. СПб., 2011. С. 144—151; *Серов Д.О.* Администрация Петра I. С. 83—84.

¹⁸ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 164.

¹⁹ См.: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 109—232; *Серов Д.О.* Администрация Петра I. С. 74.

²⁰ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 164.

нант Бутурлин весьма ценим царем; он немного понимает по-немецки». Иван Иванович Бутурлин (1661–1738), с молодости близкий к царю, был одним из организаторов Преображенского полка, однако в 1700 году попал в плен под Нарвой и провел в Швеции почти 10 лет, после чего был обменен на шведского генерала.

Еще один родственник царя (троюродный брат его матери) Семён Григорьевич Нарышкин (начало 1680-х–1747), генерал-адъютант и камергер, пройдя в молодости обучение в немецких землях, часто использовался Петром I для дипломатических поручений. Трудно судить о его подлинном отношении к царю, ибо в 1716 году, встретив царевича Алексея на пути в Европу, он не советовал ему ехать к отцу. За это в 1718 году Семён Григорьевич был подвергнут опале. Нарышкин не произвел впечатления на французского придворного: «Я ничего не могу сказать об адъютанте камергере Нарышкине; он, кажется, незначителен во всех отношениях»²¹.

Царский врач и тайный советник Роберт Арескин (Эрскин, 1677–1718) был хорошо известен французскому правительству и дипломатам. Этот шотландец на русской службе находился в родственных и политических связях с вождями якобитов — сторонников свергнутого короля Англии Якова II Стюарта (ум. в 1702 году) и его сына Якова III. Якобиты нашли пристанище во Франции при Людовике XIV, но в новых политических условиях они потеряли поддержку французских властей, которым к тому же не хотелось, чтобы царь имел контакты с английскими эмигрантами в Париже. Русская дипломатия накануне (в марте 1717 года) официально заявила, что доктору Арескину запрещена всякая переписка с его родными не только по политическим, но и по семейным делам²². Тем не менее де Либуа отмечал «сильное желание вмешиваться во все дела»²³ со стороны Арескина. Французы не зря беспокоились: доктор Арескин все-таки будет иметь в Париже тайные встречи с вождем якобитов герцогом Маром²⁴.

Кабинет-секретарь царя Алексей Васильевич Макаров (1675–1750)²⁵ был человеком незнатного происхождения, но со временем

²¹ Там же.

²² Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 169.

²³ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 164.

²⁴ Фейгина С.А. Аландский конгресс. С. 174.

²⁵ Эти даты жизни приводятся в статье: Лантева Т.А. «По указу вашего величества з живописцем договорился писать баталии» // Исторический архив. 2011. №1. С. 196; другие исследователи приводят иные даты: (? –1740) — см.: Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 54.

пробрел большой вес в делах. Как отмечает его биограф, значение кабинет-секретаря особенно возрастало во время длительного пребывания с Петром I в заграничных поездках, когда через секретаря происходило письменное общение царя со всеми сановниками страны, а с другой стороны, царь мог в близком общении оценить незаурядные качества своего надежного слуги²⁶. Под руководством Макарова велось составление Походных журналов царя. Макаров поддерживал также переписку с заграничными агентами царя, например, с Кононом Зотовым. Так, в фонде Кабинета сохранился перевод записки некоего француза, адресованной Зотову, в которой давалась характеристика международного положения и оценивались перспективы русско-французского сближения: «[Царь] может чаяти, что Франция на него в малом времени воззрит яко на такого государя, которой бы ей мог быть в пользу вместо короля швецкого, и что она почтится впредь привести его в свою дружбу и алианцию полезную обеим коронам»²⁷. На ней рукой Макарова написано: «Прочесть для любоведения по времени». Однако трудно говорить о влиянии Макарова на внешнеполитические дела. Де Либиа оценивал его как человека «незначительного», как и другого царского секретаря — Алексея Яковлевича Волкова. Ничего определенного не мог сказать французский наблюдатель о (Семёне Андреевиче?) Салтыкове.

Матвей Дмитриевич Олсуфьев (ок. 1695— ум. до 1750) имел вновь введенный в России придворный чин гофмейстера, неотлучно находился при особе монарха, фактически возглавляя его двор. Де Либиа характеризовал его следующим образом: «Человек образованный и пользующийся расположением царя, но в этом путешествии он совершенно подчинен князю Куракину; он говорит только по-русски и очень мало по-немецки»²⁸. Как уже отмечалось, в своих письмах из Франции Матвей Дмитриевич информировал князя А.Д. Меншикова об основных событиях визита.

Савва Лукич Рагузинский (настоящая фамилия — Владиславич, 1669 (?)—1738) — серб на русской службе, дипломатический и торговый агент царя в странах Южной Европы²⁹. Пётр I специально пригласил его из Венеции во Францию письмом от 15 (26) февраля

²⁶ Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 248.

²⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 32. Л. 540—544.

²⁸ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 164.

²⁹ См.: Андросов С.О. Материалы к биографии графа Саввы Владиславича и его родственников // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 47: Петровское время в лицах — 2009: К 300-летию Полтавской битвы (1709—2009): Материалы научной конференции. СПб., 2009. С. 34—41; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 331—266.

1717 года: «Я великую нужду имею до тебя, чтоб мне словесно с тобой переговорить, понеже писать о том невозможно, а понеже я чаю, что буду во Франции, того ради приезжай туды <...>»³⁰. Рагузинский ранее царя прибыл в Париж, что было известно регенту Франции, а затем присоединился к свите в Кале. Он «вмешивается во всякие дела», — писал де Либуа, — «я считаю его человеком не заслуживающим доверия»³¹. В свите царя также находился племянник Саввы Лукича Ефим Рагузинский — «молодой легкомысленный человек», который, по-видимому, служил курьером между Петром и Екатериной, оставшейся в Голландии.

Одним из незаметных членов свиты был советник посольской канцелярии Андрей Иванович Остерман (1686—1747), ставший впоследствии известным дипломатом и государственным деятелем. Его природная скрытность была отмечена французским наблюдателем: «Я не видел советника Остермана; не знаю, как ему это удалось: его приглашали несколько раз; мне кажется, он редко приходит к столу и мало вмешивается в дела»³².

Примечательной фигурой свиты был царский поп Битка (Иоанн Христофорович Битке, «Иван Хрисанфов»): «Главный священник, товарищ в удовольствиях любимца (П.И. Ягужинского. — С.М.), также невоздержен и весьма в тягость; кажется, его дело только пить; он говорит единственно по-русски»³³. Свои обязанности духовника Битка совмещал с членством в шутовском Всешутейшем и всепьянейшем соборе, и эта его ипостась не осталась тайной для французского общества.

Среди главных лиц свиты числился царский шут Ян д'Акоста (Лакоста), выходец из Португалии. Оставался при царе во Франции и карлик Лука Честихин.

Список второстепенных членов царской свиты включал царского денщика поручика Прокофия Васильевича Мурзина, денщика (впоследствии генерала) Афанасия Даниловича Татищева, денщика Семёна Баклановского, денщика Ивана Орлова, подьячего (секретаря) Ивана Антоновича Черкасова, который позже станет бароном и кабинет-секретарем Елизаветы Петровны, придворных слугителей Федора Мошкова и Ивана Кобылякова, обер-кухмистра (повара) Ивана Ивановича (Яна) Фельтена, пивовара Илью Семёнова, лекаря (хирурга) Яна Фейля и др. Среди свитских «второго разряда» числился и «арап Петра Великого» Абрам Петрович Ган-

³⁰ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270, оп. 1. Д. 84/1. Л. 141.

³¹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции. С. 165.

³² Там же. С. 164—165.

³³ Там же. С. 165.

нибал, денщик, которого царь после визита оставил во Франции «для обучения военных дел». Получив инженерное образование, он успешно служил инженером, дослужившись до звания генерал-аншефа. А.С. Пушкин прославил своего прадеда, которому ныне посвящено несколько книг³⁴. Впрочем, даже самые дотошные его биографы не смогли сообщить подробностей его пребывания с царем во Франции. В деловых документах посольства имена денщиков часто упоминаются в связи с царскими покупками и оплатой различных услуг, а также в связи с пошивом им новой одежды. Так, например, 27 апреля было «дано Абраму Арапу червонной, что он истратил на починку сундука, в котором книги и протчее возить»³⁵. Накопленные книги и другие царские покупки и подарки он позже передал по списку Ивану Орлову, который их упаковывал и укладывал в сундуки для отправки в Голландию³⁶.

В царскую свиту входили также солдаты, слуги и семь певчих (Степан Беляев «с товарищи»).

Эта разномастная компания была призвана вести дипломатические переговоры, способствовать общению Петра I с представителями французской стороны, обеспечивать переписку царя с царицей, военачальниками и первыми лицами Российского государства, кормить, лечить, развлекать, охранять царя и удовлетворять его повседневные потребности, заниматься покупками и заказами, сопровождать монарха в его поездках.

Де Либуа заметил в письме к регенту, что весь этот двор обижается названием московитского и даже Московии. Тем не менее, благожелательный к царю французский журналист Франсуа Бюше под именем «москвитов» поместил в своем сборнике, адресованном широкой публике, следующий список важнейших представителей царской свиты:

«Господа московиты в свите царя: князь Куракин, посол в Англии, Голландии, полномочный представитель на конгрессе в Брюн-

³⁴ См.: *Леец Г.* Абрам Петрович Ганнибал: Биографическое исследование. Таллин, 1984; *Фейнберг И.Л.* Абрам Петрович Ганнибал прадед Пушкина. Разыскания и материалы. М., 1986; *Гнамманку Д.* Абрам Ганнибал: черный предок Пушкина. М., 1999; *Телетова Н.К.* Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. СПб., 2004.

³⁵ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 59.

³⁶ *Долгова С.Р.* Кабинет Петра I — уникальная коллекция Российского государственного архива древних актов // Петровские реликвии в собраниях России и Европы. Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года. СПб., 2012. С. 21; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 69.

свике; господин Шафиров, вице-канцлер и тайный советник, кавалер полного ордена Белого Орла, директор почт, бывший посол в Турции; господин Ягужинский, генерал-адъютант и камергер; господин Макаров, секретарь Кабинета; господин Мурзин, лейтенант гвардии; господин Сава Рагузинский, советник двора; князь Долгорукий, генерал-лейтенант, полковник гвардии, кавалер ордена Св. Андрея; господин Бутурлин, генерал-лейтенант; господин Толстой, тайный советник, кавалер ордена Белого Орла; господин Нарышкин, генерал-адъютант и камергер; господин Арескин, советник медицины»³⁷.

³⁷ [Buchet P.F.] Abbregé de l'Histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une Relation de l'Etat présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passée de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu' à ce jour. Paris, 1717. P. 208.